

Орлов Игорь Борисович, докт. ист. наук,
проф. кафедры политического поведения
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

XIX век в истории России: абсолютистская власть и зарождающееся гражданское общество¹

*«Весь он таков - XIX век: красочный и двойственный,
внешне спокойный, внутренне напряженный,
отображающий борьбу спорящих сил друг с другом
о господстве подземных, вулканических сил...»
(П.Н. Савицкий)*

XIX век вошел в мировую историю как викторианская эпоха, то есть период центрального значения Европы вообще и Великобритании, в частности.² Во многом это было обусловлено промышленной революцией, изменившей структуру производства европейских стран и подтолкнувшей развитие путей сообщения. Превращению технического прогресса в непосредственный фактор экономического развития сопутствовали фундаментальные социальные и политические перемены.

Основные направления политической модернизации общества включали утверждение принципов конституционализма и представительной демократии, всеобщего избирательного права, свободы слова, собраний, печати, политических и общественных объединений. Хотя идеи гражданского общества (точнее, представления о справедливом устройстве общества и государства) выдвигались еще древними мыслителями, именно в XIX в. оформилось понятие «гражданского общества» как противовеса вмешательству государства в общественную жизнь и произволу властей. XIX ст. стал временем разнообразных «добровольных объединений»

¹ Опубликовано: Орлов И. XIX век в истории России: абсолютистская власть и зарождающееся гражданское общество // Россия и Германия. Общество и государство: исторический опыт взаимодействия / Под общ. ред. Н. Катцера, Р. Крумма, М. Урнова. М.: РОССПЭН, 2012. С. 82-102.

² См.: Baylys C.A. The Birth of the Modern World 1780-1914. Blackwell Publishers, 2004.

(литературных салонов, патриотических и спортивных клубов, рабочих касс взаимопомощи и обществ взаимного кредитования и пр.) в Европе.

В связи с вышесказанным возникает вопрос о том, развивалась ли Российская империя в XIX в. в общеевропейском русле? Является ли отсутствие Конституции, партийной системы и профсоюзов достаточным основанием для лермонтовской характеристики России как «страны рабов и господ»? Так ли неизменным оставалось соотношение между «тьмой власти» сверху и «властью тьмы» внизу? Существовали ли в России XIX ст. элементы гражданского общества? В чем они проявлялись? Какова была динамика их развития и насколько на нее влияла политика самодержавия? Ответы на эти и другие вопросы лежат как в плоскости анализа взаимоотношений российского государства с различными социальными слоями, так и в области компаративистики.

Экономист увидит в российской истории XIX ст. переход от феодализма к капитализму, промышленный переворот, начало индустриализации и отмену крепостного права. Для социолога важнее начало трансформации сословного общества в гражданское, а для демографа – бум народонаселения. Политолог отметит начало публичной политики, а культуролог укажет на эпоху Просвещения и феномен интеллигенции. В рамках новой политической истории центральной проблемой становится взаимоотношение власти и общества во всех вышеуказанных и иных проявлениях.

В западной историографии подчеркивается, что в России «старый порядок» просуществовал, почти не изменяясь, до 1917 года. Реформы (точнее, комбинация реформ и репрессий), предпринимавшиеся с благословения царя, протекали иначе, чем в странах Западной Европы, так как затрагивали сильно поляризованное общество. Несмотря на реформы Александра II, ускорившие, несомненно, развитие, Россия оставалась «автократически управляемым», в значительной степени аграрным государством, в котором не было широкого и либерально настроенного слоя

буржуазии. Индустриализация и урбанизация коснулись лишь крупных (прежде всего, столичных) городов, в силу чего в России отсутствовали условия для возникновения полноценных организаций гражданского общества. Совершенно иную роль, нежели протестантская или католическая церковь в Западной Европе, играла русская православная церковь.³

Признание, что «нечто похожее на буржуазное ... и на гражданское общество» в России все же возникло (пусть и гораздо позже, чем в Западной и Центральной Европе) соседствует с пессимистическим выводом, что у России к началу XX в. не оставалось времени для «медленного поступательного эволюционного пути».⁴ Причину этого ряд современных исследователей видит в отсутствии в России правового образования и, соответственно, правосознания,⁵ другие обращают внимание на дефицит доверия между властью и обществом, которое способствует возникновению «демократического потенциала общества».⁶ Но, прежде всего, исследователи, как в России, так и за рубежом, акцентировали и продолжают акцентировать внимание на факте насаждения общественных организаций сверху по мере их необходимости государству. Как заметил известный кадетский историк П.Н. Милюков, в России имело место государство, формирующее общество.⁷ Историк и писатель Н.И. Ульянов также признавал, что в России государству была уготована роль «двигателя всякого успеха».⁸ Как же «уживались» при этом две известные российские напасти?

³ См.: Московские публичные чтения Фонда Фрица Тиссена. Вып. 2. М., 2008. С. 11.; Вып. 4. М., 2008. С. 19,23; Вып. 7. М., 2010. С. 9,23.

⁴ Московские публичные чтения Фонда Фрица Тиссена. Вып. 2. М., 2008. С. 11.; Вып. 7. М., 2010. С. 9,25.

⁵ В частности, М. Штолльайс отмечает, что в России подготовку юристов подтолкнула кодификация М.М. Сперанским законов в 1835 г. Именно тогда были созданы юридические факультеты в Петербурге при Императорской школе прав, в Москве, Казани и Харькове, а в 1842 г. – в Киеве (Штолльайс М. Цезуры в истории общества, права и конституционного устройства: 1914 и 1917 // Московские публичные чтения Фонда Фрица Тиссена. Вып. 7. М., 2010. С. 27).

⁶ Фреверт У. Доверие и власть: новая и новейшая история Германии и России // Московские публичные чтения Фонда Фрица Тиссена. Вып. 2. М., 2008. Вып. 2. С. 5.

⁷ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909. Ч. 1. С. 148.

⁸ Ульянов Н.И. Русское и великорусское // Родина. 1990. № 3. С. 87.

1. Напасть первая – «вверху тьма власти»

*«У нас самодержавие значит, что в России все само собою держится»
(П.А. Вяземский)*

Следует признать, что государственный строй не есть пустая форма. Он связан с жизнью, характером и религиозными чувствами народа, с климатом, размерами страны и ее историческими судьбами. В свое время философ и писатель И.А. Ильин обратил внимание на то, что государственный строй это не одежда, которую можно легко сбросить, а, скорее, «костяк, несущий мускулы, органы и кожу».⁹

Действительно, российская государственность складывалась в специфических условиях:

- огромное малозаселенное пространство с плохими коммуникациями;
- организация аграрно-ремесленного производства в целях обеспечения военного и государственного могущества, необходимого для отпора натиска с Востока и Запада;
- постоянное расширение территории как условие военного маневра и фактор экстенсивного земледелия;
- низкий уровень и медленный темп развития технологии, призванный обеспечить прожиточный минимум и военную мощь государства.¹⁰

А.С. Панарин объясняет особую роль государства в России исходя из концепции нравственности (защиты слабых) и социальной справедливости.¹¹ Однако это отнюдь не противоречит заключению, что вышеуказанные

⁹ Ильин И.А. Искусство строить федерацию // Родина. 1990. № 7. С. 37.

¹⁰ Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 3-15.

¹¹ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2004. С. 241-242.

условия сформировали устойчивую систему ценностных ориентаций в сфере политики и государственного управления:

- государство превыше всего, а общество как целое выше индивида;
- деспотическая форма организации власти, опиравшаяся на мощную бюрократию, и произвол властей, как форма управления;
- основное назначение государства – патернализм;
- производство и технологии, инновации и наука, право имеют смысл, поскольку способствуют военному могуществу, территориальной экспансии и укреплению государственной власти;
- политические партии, церковные и другие организации имеют право на существование лишь как механизмы укрепления власти.

Не секрет, что XIX ст. демонстрировал сложное переплетение реформ и контрреформ. Более того, даже реформы Александра II, с легкой руки Н.Я. Эйдельмана, получили название «революции сверху». Трудно спорить и с тем, что для России всегда были характерны «нерасчлененность власти – восприятие государства и общества как некоей единой субстанции, наконец, понимание самой власти как чего-то неделимого и неструктурированного»,¹² что не только упрощало конструкцию власти, но и обуславливало ее восприятие как «вертикали» с акцентом на подчиненности и субординации. В такой властной системе «парламент, администрация и суд - не более чем исполнительные органы Власти».¹³ Более того, именно в XIX в. власть через систему метрических книг прочно связала гражданский статус с

¹² Шевцова Л.Ф. Режим Бориса Ельцина. М.: РОССПЭН, 1999. С. 486.

¹³ Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // Полис. 2006. № 1. С. 17.

вероисповеданием.¹⁴ И это далеко не полный список характеристик российской власти, препятствующих становлению гражданского общества.

1.1. «Не страшен царев указ, страшно разъяснение Сената»

*«Законы пишутся для подчиненных,
а не для начальников!» (А.Х. Бенкендорф)*

О низком правосознании россиян не писал только ленивый. Правовой нигилизм российской бюрократии («закон как дышло») также стал притчей во языцех. Однако верховная власть в XIX в. постоянно подчеркивало значение законодательной базы для развития российского общества. Даже Николай I, возведший в абсолют самодержавный принцип, желал иметь законы на все случаи жизни и любил повторять: «Царская власть должна опираться на закон». Привести в систему российское законодательство было поручено II Отделению императорской канцелярии под руководством возвращенного на службу М.М. Сперанского. В результате в 1830 г. было издано 45 томов «Полного собрания Российских законов», в которые вошли почти все указы, начиная с Соборного уложения царя 1649 г. до кончины Александра I. К 1832 г. вышли еще 6 томов, включивших законодательные акты 1825-1830 гг. А в следующем году были подготовлены 15 томов действующего законодательства – «Свод действующих законов Российской империи». То есть недостатка в законах не было. Другое дело, что в народе, предпочитавшем закону традицию и жизнь «по совести», и во властных структурах, пораженных взяточничеством (особенно в правление Александра II), отсутствовали культура и желание их выполнения.

Кроме того, огромное количество подзаконных актов и ведомственных распоряжений нередко сводило на нет реформаторские порывы трона. Впрочем, в ряде случаев трон и бюрократия менялись местами. Так, указом

¹⁴ До правления Александра I совершенствование метрических книг происходило крайне медленно, а меры по стандартизации форм их ведения государство приняло только при Николае I (Стейнвелл Ч. Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума: идентификация по сословию, вероисповеданию и национальности в конце имперского периода в России // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 612-616).

1802 г. Сенат, объявленный верховным органом в империи, получил право делать представления по поводу издаваемых указов, если они противоречили другим. Но единственным представлением стал протест против обязательной 12-летней службы унтер-офицеров из дворян. А в 1803 г. императором было недвусмысленно разъяснено, что Сенат может делать представления только по поводу ранее изданных указов.

Административный произвол как принцип управления открывал широкие возможности для «корректировки» реформ. Например, отнесение в 1810 г. наблюдения за цензурой (а на следующий год и проверку содержания книг) к ведению полиции в корне подрывало цензурный устав 1804 г. и лишало цензурные комитеты министерства народного просвещения практического значения.

1.2. «Гладко был на бумаге...»: конституционные проекты XIX ст.

«Дней Александровых прекрасное начало» ознаменовалось созданием в 1801 г. кружка «молодых друзей» императора, получившего название Негласного комитета. Члены кружка (А.А. Чарторыйский, П.А. Строганов, Н.Н. Новосильцев и В.П. Кочубей), воспитанные под влиянием английских государственных идей, стремились применить эти идеи к обустройству России. Планы Комитета были довольно обширны: от полной реорганизации государственного управления до введения Конституции. Однако практические результаты оказались незначительными, а в 1803 г. Негласный комитет был вообще распущен ввиду неготовности императора к радикальным действиям.

Наглядный пример тому – судьба «Жалованная грамота российскому народу» 1801 г., в которой в духе умеренного конституционализма предполагалось закрепить основные права и обязанности сословий (в том числе крепостных крестьян) по образцу «Жалованных грамот» дворянству и городам 1785 г. Дворянство (а в перспективе все имущее население) должно

было получить политические права, а, следовательно, возможность избирать и быть избранными в Сенат, являвшийся «вотчиной» аристократии.

Если 1-я редакция «Грамоты» (проект А.Р. Воронцова) представляла собой типичную феодальную хартию с упором на права и привилегии дворянства, то в окончательном варианте, к которому приложили руку Н.Н. Новосильцев и М.М. Сперанский, со всей очевидностью просматривается внесловный характер документа: замена слова «помещик» на «владелец», охрана личной собственности всего населения, некоторые буржуазно-демократические свободы и возможность изменения законов только с согласия Сената. Пусть документ не увидел свет, но некоторые его положения нашли отражение в коронационных указах 12 сентября 1801 г. и в указах 8 сентября 1802 г. о реформе Сената и создании министерств. Принципы «Грамоты» легли в основу Конституционных проектов Ионических островов 1801, 1803 и 1806 гг. и Финляндии (1809 г.), проекта Сперанского 1809 г. и проектов «Уставной грамоты Российской империи» 1818-1820 гг. Н.Н. Новосильцева и П.А. Вяземского.

Занявший пост товарища министра юстиции, М.М. Сперанский в октябре 1809 г. представил царю «Введение к Уложению государственных законов», которое предусматривало европеизацию российской государственной машины путем введения буржуазных норм и принцип разделение властей при независимости судов и ответственности исполнительной власти перед законодательной. План государственных преобразований предусматривал создание при императоре представительного органа - Государственной думы, к выборам в которую допускались представители «среднего сословия» (купцы, мещане и государственные крестьяне) на основе имущественного ценза. Предусматривалось также получение низшими слоями гражданских прав, но без политических, и постепенное освобождение крепостных без земли. Хотя программа Сперанского не нарушала прерогатив императора как самодержавного монарха, проект не был реализован в полной мере, за

исключением учреждения 1 января 1810 г. Государственного совета, члены которого назначались императором.

В 1815 г. Конституция была дарована Польше. Хотя королем провозглашался российский император, представленный в Варшаве наместником, полякам были сохранены Сейм, собиравшийся 1 раз в 2 года, и постоянно действующий Госсовет. Все государственные должности предоставлялись полякам, провозглашались свобода печати и личности, господствующей религией был признан католицизм при равноправии других вероисповеданий, а в составе российских вооруженных сил был создан Польский корпус под командованием наместника. В апреле 1818 г., посетив после Варшавы Бессарабию, Александр I обнародовал новый «Устав образования Бессарабской области», устанавливающий в ней особый образ автономного самоуправления: наличие Верховного Совета из 5 назначавшихся членов и 6 депутатов от дворянства, решения которого не утверждались царем. Одновременно император поручил Н.Н. Новосильцеву подготовить проект Конституции для России. Но в том же году было запрещено печатать что-либо о конституциях, даже в тех случаях, когда доказывалось превосходство неограниченной монархии перед конституционной.

Проект российской Конституции декларировал основные политические свободы, равенство всех граждан перед законом и значительно ограничивал права самодержца. Конституция провозглашала свободу слова, печати, свободу вероисповедания, равенство всех граждан перед законом, неприкосновенность личности и собственности, независимость суда и ответственность чиновников. Но «Уставная грамота Российской империи» была шагом назад в сравнении с проектом М.М. Сперанского, так как предусматривала назначение в Думу вместо выборности и дополнение имущественного ценза сословным принципом. Впрочем, этот проект, как и ряд других, остался на бумаге. Причиной охлаждения императора к либеральным реформам стал ряд международных (революционные события в

Испании, Италии и Греции) и внутренних (чугуевское восстание военных поселян в 1819 г., восстание на Дону и выступление солдат гвардейского Семеновского полка в 1820 г.) конфликтов.

Даже в эпоху так называемых «Великих реформ» конституционные проекты московского губернского дворянского собрания и вел. кн Константина не нашли отклика у царя-освободителя. 1 марта 1881 г. Александр II одобрил проект правительственного сообщения о созыве представителей земств для подготовки реформы местного самоуправления и пересмотра условий выкупных платежей (так называемая «Конституция» М.Т. Лорис-Меликова). Но убийство царя в этот день изменило ход дальнейших событий. На 4 марта новый император Александр III назначил заседание Совета министров для обсуждения правительственного сообщения о созыве в Петербурге временных подготовительных комиссий и общей комиссии с совещательным участием представителей земств и городов, но 8 марта министры отклонил этот проект. Идея российской Конституции в очередной раз была похоронена под спудом бюрократической машины.

1.3. «И вы мундиры голубые, и ты им преданный народ»

Формирование полицейского государства в России было тесно связано с условиями крепостнического строя, самодержавной государственностью и конкретной ситуацией в стране. Вспомним, что Александр I в манифесте от 2 апреля 1801 г. резко осудил политику тайного политического сыска. Наряду с упразднением Тайной канцелярии была подтверждена отмена пыток. Однако уже вскоре монарх пришел к выводу, что абсолютизм не может существовать без тайной полиции. В 1805 г. был учрежден Комитет высшей полиции, а в 1807 г. секретный Комитет для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общественного спокойствия. В 1810 г. возникло специальное министерство полиции во главе с «русским Фуше» А.Д. Балашовым. Кроме того, царь санкционировал создание еще трех полицейских структур: одну возглавил Аракчеев, другую – петербургский генерал-губернатор Милорадович, а третья была создана в армии.

Существовала и сыскная агентура начальника южных военных поселений графа И.О. Витта на Украине. В 1821 г. вместо Конституции Россия получила тайную полицию в армии, запрет в 1822 г. тайных организаций и масонских лож.

В 1826 г. по указу Николая I было образовано III Отделение императорской канцелярии, заменившее собою упраздненное министерство полиции. В компетенцию III Отделения, которое возглавил генерал А.Х. Бенкендорф, входил широкий круг вопросов: от наблюдения за иностранцами и религиозными сектами до выслеживания фальшивомонетчиков и заведования местами заключения. Но все же главной функцией III Отделения стал политический сыск и надзор. В подчинении Отделения находился Корпус жандармов; страна была поделена на пять жандармских округов. Таким образом, был создан мощный государственно-полицейский аппарат для борьбы с широко распространившимся инакомыслием. В 1880 г. III Отделение было ликвидировано, а его место занял Департамент полиции при МВД, одним из отделов которого стала сыскная полиция. Однако эффект от реорганизации российской спецслужбы оказался, скорее, негативным. Убийство Александра II во многом стало следствием «реформы» политической полиции.

Систему административного и полицейского произвола была призвана компенсировать судебная реформа 1864 г. Ведь до реформы суд был сословным, и все приговоры уездных судов представлялись на «ревизию» губернатору. Более того, дореформенные суды не нуждались в судьях-профессионалах. В силу того, что правосудие вершилось негласно и состояло в основном из рассмотрения письменных актов, от судьи не требовалось сколько-нибудь прочного знания уголовного и гражданского процесса. До 1864 г. фактически правосудие находилось в руках секретаря, на котором лежала обязанность указывать судьям необходимые статьи закона. Судебные уставы 1864 г., основными принципами которых стали бессословность судопроизводства, гласность и состязательность процесса,

подсудность всего населения империи, независимость судей от администрации, упрощение структуры суда и право судей толковать законы, перенесли центр тяжести судебной деятельности на судей. Но при всех своих плюсах, судебная реформа имела ряд явных противоречий. В частности, предавать суду чиновников можно было только с разрешения губернатора, а в 1878 г. правительство изъяло из ведения суда присяжных дела о «явном восстании против властей». Новая судебная система не только способствовала развитию народного правосознания, но и вызвала резкое увеличение сутяжничества. А сохранение особых волостных судов для крестьян и особых судов для духовенства нарушало принцип сословности. То есть российская власть пыталась меняться, не затрагивая основ самодержавного и сословного строя.

2. Напасть вторая – «внизу власть тьмы»

*В русском народе есть что-то неотвратно неподвижное,
безнадёжно нерушимое, а именно – его полное равнодушие
к природе той власти, которая им управляет...»
(П.Я. Чаадаев)*

Общепризнанно, что формирование гражданского общества было связано с распадом феодальных отношений и постепенным переходом к отношениям свободной конкуренции независимых и равноправных собственников. Главное место в этом процессе играли освобождение от абсолютистского произвола и «подданство закону». Еще одним условием выступала способность гражданского общества к самоорганизации и его функционирование вне непосредственного контроля со стороны государства. При этом стержнем гражданского общества выступает свободный индивид с определенной системой потребностей, интересов и ценностей.¹⁵ Другими словами, гражданское общество предполагает наличие, как минимум, четырех условий:

- автономии от государственной власти;

¹⁵ См.: Одинцова А.В. Гражданское общество: взгляд экономиста // Государство и право. 1992. № 8. С. 101; Черниловский З.М. Гражданское общество: опыт исследования // Государство и право. 1992. № 6. С. 146,149.

- способности к коллективному действию по достижению и защите своих интересов;
- отсутствия стремления подменить собой государственные структуры и частных производителей;
- согласия действовать в рамках уже сложившихся норм.¹⁶

Не вызывает сомнений, что в России высшая власть и бюрократический аппарат сдерживали развитие гражданского общества, одновременно пытаясь взять под контроль отдельные его элементы. Однако это отнюдь не отрицает общей тенденции формирования независимых (или полузависимых) от государственной власти институтов, причем не только открыто оппозиционных.

Условно можно выделить три «модели» гражданского общества, так или иначе озвученные и апробированные в XIX ст.: патерналистскую или охранительную, радикальную и модель контролируемого гражданского общества. Если в первой «модели», представляющей государственность в виде «большой семьи», общество фактически растворяется в государстве, то во второй, наоборот, общество не только полностью автономно от государства, но и призвано разрушить этот «аппарат насилия». Антиподом лозунга «Православие, самодержавие, народность» здесь выступает идея социальной революции.

Охранительная модель базировалась на том, что в дореволюционной России символом порядочности человека, его материального благосостояния и общественного веса являлся брак. В силу этого доля брачности в России в конце XIX в. значительно превышала аналогичный показатель в США, Англии и Франции. В браке к 60-ти годам во второй половине XIX в. никогда не состояли всего 1% женщин и мужчин, что почти совпадало с данными

¹⁶ Черкашин М.Д. Особенности современного социального познания // Философия, история, культура. Ч. 1. Курск, 1995. С. 255,260.

переписи 1897 г. о численности инвалидов и психически больных.¹⁷ Патриархальные отношения в большой традиционной семье переносились на более высокий – государственный – уровень почти без всяких поправок. Вера в сильного, справедливого и кормящего главу семейства на государственном уровне дополнялась принципом сакральности высшей власти.

По мнению К.С. Аксакова, православная Россия всегда смотрела на политическую власть как на «дело второстепенное», так как подлинные интересы русского народа лежали в области духовно-религиозной. В адресованной Александру II записке «О внутреннем состоянии России» (1855 г.) один из идеологов славянофильства пришел к выводу, что этой «негосударственности» народа может гармонично соответствовать только одна форма власти — православная самодержавная монархия.¹⁸ Охранительная функция консерватизма состояла в критике либерализма и социализма с их нападкамии на самодержавный строй. Смирение перед Богом и властями расценивались консерваторами как лучшие качества русского народа, а Россия представлялась «большой семьей» с «абсолютным отеческим авторитетом власти».¹⁹

В силу того, что исторический и управленческий выбор формулировался следующим образом: «революция сверху» или «снизу», подобный подход оставлял мало места для гражданской инициативы. Тем не менее, размышления П.Я. Чаадаева о «необычайной пустоте нашего социального существования» стимулировали активность, по крайней мере, столичной интеллигенции в лице западников и славянофилов. Весь век шла то затихавшая, то вспыхивающая с новой силой борьба за расширение имеющейся «островной свободы», существование которой было освящено традицией или, чаще всего, санкцией верховной власти.

¹⁷ Российский старый порядок: опыт исторического синтеза («Круглый стол») // Отечественная история. 2000. № 6. С. 79.

¹⁸ Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1861. С. 72-91.

¹⁹ Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения («Круглый стол») // Отечественная история. 2001. № 3. С. 106-107.

Б.Г. Литвак предложил весьма необычную схему взаимоотношения российской власти и общества: отсутствие механизма перманентного реформирования («профилактики») вело к заболеванию общественного механизма, и, следовательно, к необходимости терапевтического лечения реформами, а запущенную болезнь (отсутствие своевременных реформ) приходилось лечить хирургическим путем - переворотами, революциями. Тем самым на смену дилемме «реформа – революция» приходит выяснение издержек общества, запустившего «профилактику» и пришедшего к необходимости «терапии» или «хирургии».²⁰ В данную схему хорошо вписывается третья «модель», в основу которой было положено своеобразно понимаемое «сотрудничество» власти и ряда общественных институтов. Наглядный пример – деятельность созданного в 1868 г. Санкт-Петербургского отделения Славянского благотворительного комитета (затем Общества), проведшего в 1870-1880-х гг. ряд крупномасштабных общественных акций (сбор денег, снаряжение отрядов добровольцев, организацию всеславянских юбилеев и пр.), а в 1890 г. принятого на «попечение» МВД.²¹

Наоборот, позитивный пример взаимодействия власти и научного сообщества демонстрирует деятельность Русского географического и Русского археологического обществ, председателем которых был автор конституционных проектов 1866 и 1880 гг. вел. кн. Константин Николаевич. Общество стало не только элитарным собранием, но и общественным учреждением, объединявшим государственных чиновников и ученых. В 1862-1892 гг. среди членов-сотрудников РГО 77,4% составляло чиновничество, 15,2% - ученые и 5,3% - писатели, издатели, учителя и пр. Такое представительство давало возможность эффективного участия Общества в обсуждении важных социально-экономических проблем страны.

²⁰ Литвак Б.Г. Американско-канадский дневник. М.: ИРИ РАН, 1998. С. 5-7.

²¹ Колесников В.А. Россия и славянство: иллюзии общественной мысли и политические реалии // Нестор. Историко-культурные исследования. Альманах. Вып. 1. Воронеж, 1993. С. 18.

В лице таких наук как статистика и этнография РГО получило ресурс для неформального изучения состояния хозяйства страны, включая проблемы землеустройства и землепользования, перспектив социальной адаптации общества и, прежде всего, крестьянства к предстоящей отмене крепостного права. В свою очередь высокое покровительство стало специфической формой деятельности по руководству научными обществами, направленной на конструктивный диалог власти и ученых.²² Примером диалога власти и образованного общества служит и работа Редакционных комиссий, ставших ареной столкновения интересов и мнений относительно путей отмены крепостного права в России.

Важным фактором, подготавливающим почву для гражданского общества, было обретение российскими сословиями чувства собственного достоинства. Начало этому было положено освобождением дворян и священников от телесных наказаний Александром I. В 1863 г. были отменены телесные наказания для всех категорий населения, кроме крестьян, ссыльных, каторжных и штрафных солдат.

Ключевым событием в истории эмансипации российского общества стала отмена крепостного права. Долгое время правительственная политика в крестьянском вопросе напоминала «танец кота вокруг котла с горячей кашей». Так, члены Непременного совета в марте 1801 г. отклонили подготовленный по поручению царя генерал-прокурором А.А. Беклешовым проект указа о запрещении продавать крепостных без земли. Впрочем, не поддержали этот проект и «молодые друзья» царя. В итоге Александру I пришлось ограничиться компромиссным рескриптом Академии наук о запрете публиковать объявления о продаже крестьян без земли. В большей степени моральное, нежели реальное значение имел и указ императора «О вольных хлебопашцах» (1803 г.), разрешавший помещикам отпускать крестьян на волю с обязательным наделением землей за выкуп. Неудачной

²² Краюхина М.А. Великий князь Константин Николаевич как покровитель отечественной науки: Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 2001. С. 12,36,48-50,67,200.

оказалась и попытка с помощью военных поселений уменьшить количество крепостных крестьян в западных и центральных губерниях империи. В реальности поселенцы закрепощались дважды - и как крестьяне и как солдаты. Получившие личную свободу крестьяне Эстляндии, Курляндии и Лифляндии лишились права на землю и тем самым оказались в полной зависимости от помещиков. Император одобрил проекты отмены крепостного права, подготовленные министром финансов М.Ф. Гурьевым и А.А. Аракчеевым, но ни один из них так и не был реализован.

В царствование Николая I секретные комитеты по крестьянскому делу возникали и исчезали один за другим. Несмотря на то, что шеф жандармов А.Х. Бенкендорф в своем отчете императору назвал крепостное право «пороховым погребом под государством», крестьяне так и не увидели свободы. Реформа государственной деревни «начальника штаба по крестьянскому вопросу» П.Д. Киселева, задуманная как первый этап крестьянской реформы вообще (преобразования в государственной деревне должны были стать образцом для помещиков), этим и ограничилась. Итогом работы Секретного комитета 1839-1842 гг., занятого разработкой основ второго этапа реформы, стал указ «Об обязанных крестьянах», предусматривавший выкуп крестьян на свободу через договора с помещиками без предоставления земельных участков. Все эти и другие мероприятия (инвентарная реформа, разрешение крестьянам выкупаться с публичных торгов и т.п.) откладывали решение крестьянского вопроса до «лучших времен». Это как нельзя лучше отражало позицию Николая I, который на заседании Государственного Совета констатировал: «Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его у нас положении есть зло, для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к оному теперь - было бы злом конечно еще более губительным».

Только 5 марта 1861 г. были обнародованы «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» и составленный митрополитом Филаретом по этому случаю царский манифест. Показательно, что

обязательный надел рассматривался как условие для обеспечения уплаты крестьянами государственных податей и выполнения повинностей по отношению к помещикам, а не средство формирования класса собственников. Ведь «Положение» сохраняло общинное землепользование крестьян, в условиях которого земли предоставлялись не отдельным крестьянам или дворам, а сельскому обществу. Крестьянское управление также было чрезвычайно ограничено в своей деятельности и не имело почти никакой самостоятельности.

Тем не менее, по реформе крестьяне получали гражданские права: могли заключать всякого рода сделки, заниматься торговлей и промыслами, вступать в брак без согласия помещика. То есть крестьянин из раба превращался в личность. Кроме того, отмена крепостного права, освободив рабочие руки, способствовала росту промышленного и сельскохозяйственного пролетариата.

Конечно, в отличие от власти, предприниматели быстро поняли выгодность вольнонаемного труда. Уже в первой четверти века удельный вес посессионных крестьян среди работников обрабатывающей промышленности упал более чем в 2 раза. Безусловно, стимулировал приток в промышленность наемной рабочей силы начавшийся промышленный переворот (в обрабатывающей промышленности численность наемных рабочих в 1825-1860 гг. выросла в 4 раза), однако именно крестьянская реформа придала этому процессу динамику. Формирование рабочего класса и буржуазии медленно, но неуклонно подрывало основы сословного общества.

Сложилась в России в XIX ст. и еще одна социальная сила, все больше заявляющая о себе как о самостоятельном экономическом (а в начале XX в. и политическом) акторе. Речь идет о российском купечестве, центром притяжения которого стал не «чиновный, умеренно-либеральный, европейски просвещенный, внутренне черствый и пустой» Петербург, а

«безвластная и вольная, широкая и святая» Москва.²³ Москва представляла собой центр громадного Центрального (Промышленного) района, ведущей отраслью которого была текстильная индустрия, органически выросшая из крестьянских промыслов без значительного вмешательства со стороны государства и существенных заграничных инвестиций. В «цитадели» легкой промышленности и «национального» капитала товарищества на паях, выросшие из уже существующих семейных или партнерских фирм, количественно преобладали над акционерными обществами.²⁴ Именно в Москве «купец чувствовал себя «первым человеком». Люди его класса строили церкви, больницы, богадельни, народные столовые, театры, собирали картины, книги, иконы, играли главную роль в городской думе и преобладали на первых представлениях в театрах, на бегах и на скачках».²⁵

Москва, лишенная достаточного казенного финансирования, оказалась вынужденной поддерживать свое столичное обличье за счет городских обывателей и, прежде всего купцов. По объему добровольных пожертвований граждан на нужды просвещения, здравоохранения и общественного призрения она намного опережала прочие города. Однако в конце XIX ст. «полное купеческое самоуправление», подразумевающее наличие выбираемого «главы» сословного общества, его рабочего органа в виде управы и института «выборных», проводящих регулярные собрания, существовало только в трех городах - Москве, Петербурге и Одессе.²⁶ Большой радикализм во взглядах московских купцов, питаемый их принадлежностью к старообрядчеству, их большая самостоятельность,

²³ Федотов Г.П. Две столицы // Новый мир. 1989. № 4. С. 209,211,213.

²⁴ Калмыков С.В. Организационные формы предпринимательства // История предпринимательства в России / Книга 2. Вторая половина XIX - начало XX века. М., 1999. С. 92-94.

²⁵ Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. Русский хозяин. Статьи об иконе. М., 1994. С. 144.

²⁶ Шацилло М.К. Эволюция социального облика российского предпринимательства // История предпринимательства в России / Книга 2. Вторая половина XIX - начало XX века. М., 1999. С. 220,222.

переходящая порой в оппозиционность властям, - стали новыми чертами жизни московского предпринимательства конца века. Постепенно эти настроения распространялись и на слои провинциального купечества. Однако в целом купеческое сообщество до революции 1905-1907 гг. довольно осторожно относилось к идее политического участия, опасаясь стеснений предпринимательской деятельности со стороны власти.

Еще одним элементом гражданского общества вполне могло стать местное самоуправление, особенно после реформы 1864 г. Но действительного самоуправления невозможно установить, не ограничив власти бюрократии, а этого бюрократия допустить не могла. Тем не менее, правительство, понимая, что реализация многих государственных задач осуществляется в конкретных территориальных образованиях, уже в начале XIX в. предпринимало попытки исправления дел местного управления. Но на пути установления самоуправления, главными принципами которого было свободное участие народа в делах местной администрации, выборность и автономность деятельности органов самоуправления,²⁷ стояла государственный взгляд на местное самоуправление как часть государственного аппарата. В силу этого до 1860-х гг. местное самоуправление в России было сословным и прочно привязанным к централизованной бюрократии. Большинство должностей в уездах, городах и селениях замещались сословными представителями, избираемыми корпорациями дворян, купцов, мещан и свободных крестьян. При этом Александр I считал выборную службу обязанностью дворян, а при Николае I она стала рассматриваться как разновидность государственной. Но при таком способе управления граждане перестают быть субъектами управленческой деятельности, превращаясь в пассивные, а в некоторых случаях, в активно противодействующие объекты.

²⁷ Основные теории местного самоуправления: происхождение и развитие. М., 1996. С. 13,15.

Ущербность этого осознавалась властью, но и на введение полноценного самоуправления правительство пойти не могло. По этой причине после отмены крепостного права не получило развития сохранившее сословный принцип волостное и сельское самоуправление. Органы крестьянского общественного управления находились под двойным контролем как со стороны местных учреждений по крестьянским делам, основной состав которых формировался из помещиков, так и со стороны судебно-административных органов, представители которых одновременно замещали должности по крестьянскому управлению.

При обсуждении проекта земской реформы министр внутренних дел П.А. Валуев предложил увенчать земскую систему общероссийским органом, но император выступил против, мотивируя тем, что это привело бы к распаду России. Согласно принятому 1 января 1864 г. «Положению об уездных и губернских земских учреждениях» земства утверждались как сословные органы местного самоуправления, избирательная система в которые строилась по принципу имущественного ценза по 3-м куриям. Но система выборов гарантировала руководящую роль представителям высших сословий. В состав губернских земских собраний входили предводители дворянства, председатели управ всех уездов, 2-3 чиновника от казенных и удельных имений. То есть более высокое звено земского самоуправления формировалось на основе не прямых выборов и представительства чинов. Там же, где влияние дворянства было незначительным (в Архангельской и Астраханской губерниях), или где позиции дворянства существенно расходились с установками центральной власти (на Правобережной Украине, в Белоруссии и Прибалтике), земства не предусматривались, а на Дону они просуществовали менее 10 лет (с 1876 по 1882 гг.).

На практике ограничение прав земств началось уже с 1866 г., когда губернатор и другие административные органы получили право отменять решения земских собраний, а чиновники земских органов были переведены в ранг государственных. Законом от 13 июня 1867 г. «О порядке производства

дел в сословиях и общественных собраниях» земствам было запрещено обсуждать не относящиеся к их ведению вопросы, а земские доклады и журналы должны были проходить губернаторскую цензуру. Кроме того, закон запретил земствам различных губерний взаимодействовать друг с другом.

Но даже в таком варианте местное самоуправление развивало в гражданах самодеятельность, энергию и предприимчивость. Земства начали активно создавать сельские школы и развернули подготовку учителей. Впервые в сельской местности были созданы больницы и фельдшерские пункты, расширилась сеть аптек, пунктов оспопрививания и медицинских курсов, произошло становление ветеринарной службы. На плечи земств легла организация института агрономических смотрителей, работа в области кооперации и кустарных промыслов. То есть земская служба стала настоящей альтернативой «хождению в народ». Кризис земских учреждений наступил к концу 1870-х гг. Задушенные произволом администрации, земства работали, скорее, по инерции, а многие гласные перестали посещать заседания земских собраний.²⁸

Новое Положение о земских учреждениях 1890 г. фактически отрицало всякую связь с идеей местного самоуправления. Сельские избирательные съезды были упразднены, а гласные назначались губернатором из числа кандидатов, избранных волостными сходами. Был по существу уничтожен и принцип выборности управ. Губернатор получил право останавливать исполнение постановлений земских собраний по собственному усмотрению. Аналогичной была судьба и городского самоуправления.²⁹ Тем самым местное сообщество - источник «смут и потрясений» - благодаря усилиям администрации Александра III было практически сведено на нет.

²⁸ Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. М., 1993. С. 90.

²⁹ Если Городовое Положение 1870 г. во многом напоминало порядок, который существовал в городах Западной Европы, то Городовое Положение 1892 г., приравняв выборных должностных лиц городского управления к правительственным чиновникам, внесло такое вмешательство в местные дела со стороны администрации, каких не знало в то время ни одно цивилизованное государство.

Не стала источником формирования гражданского общества и церковь, практически превратившаяся в XIX ст. в государственное «ведомство вероисповедных дел». После утверждения министерств обер-прокурор Синода оказался в положении государственного чиновника, а после создания в 1817 г. министерства духовных дел и народного просвещения обер-прокурор его статус еще больше понизился. Подготовленная под руководством М.М. Сперанского реформа духовных учебных заведений 1808-1814 гг. была затеяна светской властью для удовлетворения нужд государства в чиновниках и учителях. Упразднение в 1824 г. «министерства затмения» привело к усилению власти обер-прокурора (он теперь приравнивался к министру), но не к повышению самостоятельности Синода и церкви в целом.

В период реформ Александра II церковь стремилась к самоуправлению и к духовному лидерству. Но автором церковной реформы стал министр внутренних дел граф П.А. Валуев, высказавший идею укрепления православной церкви за счет развития ее внутренних сил при соответствующей политике правительства.

В 1864 г. был проведен ряд церковных реформ, направленных на развитие самоуправления церкви. В частности, были созданы приходские попечительства (союзы клириков и мирян) под руководством церковного старосты, и возрождены церковные братства в целях просветительства, благотворительности, издательской и миссионерской деятельности. Приходское духовенство получило право избирать благочинных, которые ведали несколькими церквями, и собираться на епархиальные съезды. По реформе церковных учебных заведений преподаватели также получили право самоуправления и выборов учебного начальства. Был учрежден ряд новых церковных газет и журналов, носящих церковно-общественный характер, так как в них был поставлен вопрос о социальной роли церкви - служении миру. Широкое распространение получило движение за основание церковно-приходских школ. Но уже в 1870-х гг. церковные реформы стали

тормозиться из-за их непоследовательности (стимулировать самостоятельность, но не допускать самовольства) и утилитарного подхода государства. После убийства Александра II новое правительство сделало вывод о неудаче церковной реформы, и, прежде всего, на том основании, что она не оправдала охранительных надежд. Ведь отношение православной церкви к самодержавной власти было закреплено законодательно. В частности, включенный в Свод законов М.М.Сперанским раздел «О вере» декларировал, что император «есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, блюститель правоверия, и всякого в церкви святой благочиния». Царь не только назначал обер-прокурора Синода, но и утверждал кандидатов в архиерейский сан и на епархиальные кафедры. Это определяло политическую зависимость церкви от государства и лишало ее возможности стать частью гражданского общества.

Поворот правительственного курса в отношении церкви при К.П. Победоносцеве фактически означал возврат к дореформенному положению: усиление административно-карательных прав духовных консисторий, власти архиереев и администрации духовно-учебных заведений, отмену выборов в семинариях и пр. Но эффект оказался обратным - духовная школа превратилась поистине в «фабрику нигилистов», а церковь почти совсем потеряла нравственный авторитет и власть над душами и умами.³⁰

Несомненно, Россия девятнадцатого столетия меняла свой облик, переходя в новую систему экономических, политических и культурных координат. Но консерватизм трона и амвона дополнялся консерватизмом самого народа, продолжавшего надеяться: «Вот приедет барин, барин нас рассудит». Если в странах Западной Европы реформа не в меньшей степени была делом общества (или, по крайней мере, предметом диалога между общественностью и властью), то в России она привычно связывается с действиями государственной власти.

³⁰ См.: Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев, Святейший Синод и архиереи в 1881-1894 гг. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1994. № 4. С. 25; Его же. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996. С. 62,129.

Тем не менее, реформационный «скачок», совершенный Россией, способствовал кристаллизации политических интересов не только в правительственной среде, но и в обществе. В частности, дворянство делало первые шаги в сторону политической консолидации. Основанное в середине 1860-х гг. Общество взаимного поземельного кредита, стало, по сути, «суррогатом консервативной дворянской партии».³¹ Кроме того, реформы способствовали уходу деятельных людей из кабинетов власти в новые неправительственные учреждения типа земств и городских дум, в адвокатуру и журналистику. Общественная инициатива реализовывалась и в бурно развивающемся краеведческом движении. В провинции, сознательно ограждающей себя от «большой политики», формировалось местное сообщество, не без помощи земских учреждений все больше включавшееся в решение проблем региона. «Гражданское общество в миниатюре» по мере усиления контактов (пусть и полулегальных) между земствами обладало потенциалом перерастания в полноценное гражданское общество. Но этот потенциал не был реализован. В очередной раз верх взяли две российские напасти. Последнее обстоятельство во многом определило дальнейший ход отечественной истории.

³¹ Секиринский С.С. Российские реформаторы: сюжет и книга в контексте научной литературы последних лет // Отечественная история. 1997 № 3. С. 125.